

14-10-2015 01:29:00

Viva, Paul!

История о том, как один американец захотел стать счастливым и что из этого вышло. Тут не обошлось без русской женщины

История о том, как один американец захотел стать счастливым и что из этого вышло. Тут не обошлось без русской женщины

Рояль, Пол и Вива — музыкальная гармония

Фото из архива

Эти двое не случайно выбрали мой тропический остров в Тихом океане — здесь не было ни одного рояля. Еще бы! Эти инструменты не выносят влажных тропиков. Правда, в истории известен один факт — когда парижские друзья Альберта Швейцера заказали специально для него тропическое влагоустойчивое пианино и отправили ему в Африку, но для этого нужно, чтобы в джунглях жил Альберт Швейцер, а не мы с моим псом.

Они выехали из джунглей на маленьком красном мокике, он — чудной, в очках и с всклокоченной шевелюрой, а она — с большими серыми глазами, и показались мне в сочетании друг с другом очень красивыми. Ранний тропический закат мы наблюдали все вместе с веранды моего дома. Мои гости покачивались в гамаках. Я варила кофе на раскаленном коралловом песке. Мой пес спал на одно ухо. Пахло цветками франжипани. Море притихло, принимая в себя солнце. На столе, не шевелясь, сидел черноглазый буддист-долгоносик.

После исчезновения солнца мы смогли продолжить светскую беседу:

— ...сыгранная на современном конвейерном рояле, музыка Моцарта, Шуберта или Шопена становится бледной. А у фортепиано, которые делает Пол, есть все нужные краски, — сказала Вивиана, Вива.

— Наверное, это слышат только музыканты, — усомнилась я.

— Нет, это почувствуют все! Вы же отличите вкусное манго от незрелого без диплома аграрного училища?

Я ей поверила.

Долгоносик — при чем здесь долгоносик?! — Так долго сидел без движения, что мне захотелось его пошевелить. Оказалось, эту сантиметровую букашку невозможно оторвать от стола. Откуда такая сила? Тогда я его сфотографировала в режиме макросъемки, увеличила на экране компьютера раз в 25 и внимательно рассмотрела. Каждая лапка долгоносика заканчивалась крючком, а сам он был покрыт нежным бледно-зеленым пухом и представлял собой совершенство. Да что там говорить, этот вредитель манговых деревьев был красив как черт! Жуков в университете я не изучала. Вивиана права. Красота есть красота.

Почему же эта красивая пара пряталась от роялей на тропическом острове? Потому, что впервые в своей жизни Пол выдохся. Только что он сделал невозможное: за 8 месяцев воссоздал точную копию персонального рояля Листа из его дома в Веймаре. Заказ он получил слишком поздно, успеть надо было к 200-летию со дня рождения композитора. Пол успел, но надорвался. Тогда Вивиана нашла первый попавшийся тропический остров, отвечающий следующим требованиям: чтобы был зеленый, дикий, без цивилизации и без музыки. Вот так мы и встретились.

Итак, впервые в жизни Пол отдыхал. Он играл с моим псом, ел мороженое, барахтался в прибое и был счастлив. Но уже через две недели райской жизни затосковал по своим роялям.

На палубе уплывающего с острова на Большую землю кораблика Пол сидел по соседству с буддистским монахом. Сидел, как обычно, в позе лотоса, и монах все время поглядывал на ноги Пола. Сам так сидеть он не мог: был толстым — и, тут мы можем только предполагать, испытывал уважение к необычному иностранцу. А иностранец, тут мы точно знаем, чувствовал себя очень гордым.

«Тонкая нить выживания» — это

выражение Пола. Не жизни — выживания. Как будто сверни он чуть в сторону — и погиб. Вернее, не родился бы тот Пол, который сейчас сидит у себя в мастерской на стуле в позе лотоса, улыбается и решает в голове очередную задачку фортепианостроения.

И пока Пол крутит педали по своей тоненькой нитке, мы с вами толпами сворачиваем на столбовую дорогу и включаем автопилот: сбрасываем скорость, перестраиваемся из ряда в ряд... — все согласно знакам, висящим на столбах. Пол обходится без знаков. И только он знает, как тонок этот путь. «Я как твоя собака», — говорит он. Прошло три года с нашей первой встречи, мы вновь сидим в том же составе, исключая долгоносика, тоже на острове, но не на веранде с видом на море — просто на питерской кухне. Всех друзей детства моего пса уже нет в живых — кого съели голодные туземцы, кого подстрелили, кто помер сам: собачий век в тропиках недолог. А мой перелетел пол-Земли и теперь живет недалеко от Исаакиевского собора. «Тонкая нить выживания».

Размотаем ниточку Пола назад. Интересно же.

Итак, этот американский парень с детства привык к движению: по разным причинам его семья все время переезжала с места на место, и он сменил 16 школ. Разве удивительно, что в худший день в истории рок-н-ролла наш юный хиппарь оказался на Альтамонтском фестивале, где своими глазами увидел конец эры хиппи и чуть не умер от большой дозы ЛСД, которую ему лично дал Оусли Стэнли Третий — сам Медведь!

Повезло, конечно, что выжил, — и не такие тонкие нити рвутся. А вообще, это хорошо, что Пол в столь нежном и мечтательном возрасте увидел закат мечты. Иначе пошел бы другой дорогой.

В это время в Москве в интернате при Центральной музыкальной школе живет осиротевшая в свои четыре года сероглазая девочка с редким именем Вивиана. И пока она с утра до вечера сидит за фортепиано, кажется, что ниточку свою она не выбирает. Хо-хо. Подождите. Вива еще вырастет.

Ну а Пол — все-таки он дитя своего времени — идет учиться на гитариста в консерваторию в Балтиморе. Пол говорит, что преподаватель заставлял их работать как собак (по-нашему — как быков, ослов или лошадей), а он работал как самая проклятая из тех собак и был уверен, что станет великим музыкантом. Однако через пять лет преподаватель сказал: «Пол, я не знаю, как ты сыграешь экзаменационную программу». — «Он сказал — я услышал. Это был мой последний урок в консерватории. Я бросил гитару».

Теперь Пол работал грузчиком в Балтиморском порту. Каждое утро ровно в семь наш шуплый вихрастый очкарик стоял в могучей кучке алкоголиков и тунеядцев, ожидая раздачи нарядов. Рассказывая это, Пол хохочет, а мы ничего не упускаем, потому что, когда имеешь дело с биографией уникального человека — а Пол такой один на весь мир, — важна каждая деталь. Например, важен тот молодой и очень серьезный парень, который только что вышел из тюрьмы и вкалывает на нескольких работах, чтобы накопить на операцию по смене пола для своего огромного черного пока бойфренда. Именно этот парень подкинул Полу другую работу — ночного сторожа на парковке.

А кто знает, останься он в порту, ниточка могла бы и надорваться. Кроме того, теперь Пол мог читать на работе. И что он читал? Книжку под названием «Работа»! Автор (Стадс Теркел) проинтервьюировал две сотни людей различных профессий, и все они довольно безрадостно относились к тому, что делают. И лишь один человек в этой книге был счастлив — настройщик. Пол прочел это в четыре утра. В восемь, когда его смена кончилась, он напрямик отправился в школу настройщиков. Да, он хотел быть счастливым. «Иди, иди, иди, никогда не останавливайся», — говорил его преподаватель из консерватории. Он это запомнил.

Его взяли. Через два года он получил диплом. И вот он уже в Бостоне — работает подмастерьем у фортепианного мастера. Пол согласился работать за один доллар в час и спать на полу — тот не мог его не взять. «Он был таланта скромного, но зато научил меня точить лезвия». — «Был ли он счастлив?» — «Нет, он все время с чем-то воевал, не понимая, что его главный враг — он сам».

И вдруг зазвонил телефон. Конечно, не вдруг — все-таки Пол ездил в Нью-Йорк и удачно прошел собеседование на «Стейнвэе»... И вот звонит главный технолог самой знаменитой в мире фабрики роялей и говорит Полу: «У нас есть для вас работа». А что Пол? Ну не мог он бросить своего несчастливого учителя с недоделанным фортепиано. Пол отвечает «Стейнвэю»: «Может быть, позже», — что значит «никогда». Говорить ли, что вскоре вечно недовольному мастеру надоел талантливый ученик, или вы уже сами догадались?

Вива тем временем окончила Московскую консерваторию — да, да, не будем упускать ее из виду.

С карьерой покончено, решил Пол, починил свой велик, купил лютню, примус, палатку, на всякий случай взял с собой настроечные ключи и отправился в путь. Несколько месяцев он крутил педали и занимался, по его выражению, «бессмысленным существованием», но именно этот путь вывел его на маленькую мастерскую, где делали клавишины и где нечаянным образом ему представился случай построить свой первый рояль. Инструмент улетел в Норвегию, но мы про него не забываем — он еще аукнется Полу.

Известный пианист Джон Гиббонс уезжал в большое турне по Европе с «Оркестром XVIII века» Франса Брюггена (тоже очень известного) и позвал с собой никому не известного настройщика (а зачем настройщику известность?). Шел 86-й год, это было первое турне подобного рода — чтобы оркестр старинной музыки, да еще и с фортепиано. Весьма ответственный момент в истории. И — о, ужас! — на первой же репетиции в Амстердаме у фортепиано отваливается нога, но что еще ужаснее — лопаются и лопаются струны.

И тут нам пора, наконец, всерьез поговорить о предмете. Дело в том, что в эпоху Моцарта и Гайдна не было больших черных роялей, которые вы сейчас видите и слышите в любом концертном зале. А те, что были, состарились, развалились, потерялись или стоят в музеях как мебель и не в состоянии играть. И вот в 80-е прошлого века впервые начали делать копии

старинных инструментов, но пока еще очень плохие. В 86-м их было от силы штук 15 на весь мир, то есть штук 14 за вычетом того, у которого только что на репетиции отвалилась нога.

«О, Боже! — обратились к настройщику. — Вы знаете другой инструмент?» — «Знаю, — спокойно сказал Пол, — я сам его сделал. Но он в Норвегии». Через три дня состоялась вторая репетиция. Прилетевший из Осло рояль вызвал полный восторг. У гениального фортепианного мастера современности Пола МакНалти началась, как он говорит, большая карьера.

«Это так тонко!» — он опять о своей ниточке выживания, то есть о ничтожном шансе, сквозь игольное ушко которого он взял да и проскочил. Бог с ней, с фортепианной ногой, но ведь струны-то могли и не лопаться.

Далее — история взлета бывшего грузчика (ну или сторожа), который захотел стать счастливым. Тут же он получил два заказа и деньги вперед. Остался в Амстердаме, снял мастерскую... А уже через два года его рояли произвели настоящую сенсацию на выставке в Бельгии, и заказы так и посыпались. Пол перебрался в Чехию — поближе к Южнобогемскому лесу, к знаменитой музыкальной древесине. Поселился в деревне, и жил там как отшельник. Таким людям, как Пол, не нужен необитаемый остров, чтобы чувствовать себя Робинзоном Крузо. У него даже мебели дома не было...

История длится, ниточка вьется, а мы все ждем, когда же в его жизни появится Она.

Пока он обживает европейскую деревушку, она улетела в Америку. Но иначе было бы неинтересно, правда?

Почему Вивиана эмигрировала? Ну, конечно, ее тогда напугал звонок кагэбэшника с вызовом на Лубянку, но она уехала не из-за этого. Она занималась старинной музыкой, и все очень хорошо складывалось: ей было еще совсем немного лет, а у нее уже случился сольный концерт в Большом зале Ленинградской филармонии. Но в России не было старинных инструментов. Некуда было развиваться. Она поняла, что придет опять сентябрь, у нее опять будет тот же концерт, она будет делать все то же самое — то есть ходить по кругу. И она улетела в Америку. И там, в Оберлине, впервые прикоснулась к инструменту некоего Пола МакНалти.

«Со мной случилось ровно то же самое, что и с твоим псом, когда он прилетел из джунглей в Петербург и первый раз в жизни увидел на Исаакиевской площади живую лошадь, — я оторопела, я стояла как оглушенная, — Вивиана сидит у меня на питерской кухне и гладит собаку. — Все те вещи, которых я не понимала в произведениях Моцарта и которые поэтому мне не нравились, все они зазвучали, все встало на свои места, когда это было сыграно на инструменте Пола».

Тогда же, в Оберлине, Вивиана спросила, сколько стоит такой рояль. Ей назвали цифру с заоблачных высот. Она испугалась этой цифры, но все равно начала копить. Далее следует написать: шли годы... Вивиана гастролировала и копила. Перебралась жить в Канаду и копила. Вышла замуж и копила. Послала неведомому ей Полу МакНалти залог и копила. Переехала с мужем в Нидерланды и копила. Последние три года у нее было по 45 учеников в неделю. Наконец, она накопила. Уф...

И Вивиана поехала в чешскую деревню за своим роялем. Ну вот, мы подошли к главному в нашей истории.

Первое, что она увидела, — что перед ней совершенно экзотический человек.

Но тут же отвлеклась на свой

долгожданный рояль. Он оказался в 20 раз лучше, чем тот, воображаемый ею, на который она копила 10 лет. Далее у них состоялся диалог, который нам с вами будет малопонятен, но потерпите, это ведь история. «Что будет, если на молотки поставить более тонкую кожу?» — спросила она. «Чего разговаривать, давай попробуем», — ответил он. «А сколько это займет времени?» — «Два часа». Она согласилась, откуда ей было знать, что у Пола другой размер часов.

...Прошли день и ночь. Уже пять утра. Они все еще сидят вдвоем в мастерской, она помогает ему что-то отклеивать и приклеивать, он доделывает ее рояль. И тут наконец их глаза встретились.

Вивиана: королева за королевским инструментом
Фото: С.БЕССМЕРТНЫЙ

И все-таки она оттуда уехала. Во-первых, в этот вечер у нее был концерт в Берлине. Во-вторых, она поняла, что помимо этого рояля у нее в голове появилось что-то еще, и испугалась.

Вечером после концерта она звонит своему мужу, а он хихикает и говорит: «Тут тебе письмо пришло от Пола: мол, если когда-нибудь в жизни ты окажешься свободной, тогда приезжай ко мне со всеми вещами». А Вивиана чувствует: зря муж хихикает-то. Она еще несколько дней проводит в Берлине, перестает есть и спать, не выдерживает, звонит — но уже не мужу, а Полу.

И тут мы замолкаем, и обе смотрим на Пола.

Обычно умение носить смокинг стоит жертв: научаясь одному, люди разучаются другому. Пола легко можно представить на велике, на осле, на тракторе, в азиатских рыбацких штанах — где угодно и в чем угодно. Но когда на нем белая сорочка, белый жилет и белая бабочка — он в них как будто родился. Сейчас он как раз при параде (разве что без бабочки) сидит у меня на кухне, сложив ноги по-турецки, слегка покачиваясь на стуле, полузакрыв глаза, тихо улыбаясь, и смотрится очень органично. Человек, который хотел стать счастливым настройщиком, а стал гениальным фортепианным мастером. Но если мастер счастлив, это не значит, что у него нет долгов.

Оказалось, что он не просто живет в старом гнилом доме, где нет столов, стульев — даже кровати, но и не выкупил его до сих пор, что у него большие долги и длинный список эмоциональных обещаний разным людям бесплатно сделать рояли. Однажды она проснулась на полу из-за того, что почувствовала холодные мышинные лапки у себя на руке. Так они начали...

«Вива приехала, и мир стал другой, — Пол вернулся к нам из своей медитации и благодарно посмотрел на Вивиану. — Дом восстановлен, отремонтирован — такой красивый! Мастерскую она увеличила в три раза!» Это сейчас он хвастается, а сначала очень сопротивлялся. Когда она появилась, у него был всего один помощник. Она спрашивала его: зачем он сам делает ножки, пюпитры для нот и другие неважные штуки? Он уверял, что никто другой в мире не сможет это сделать. (Тут, наверное, сказался травматический опыт Пола, когда на первой же репетиции от фортепиано отвалилась нога.) Но все-таки она его уговорила. Теперь

в мастерской работают 10 человек и еще столько же — вне мастерской. Теперь Пол делает не 2—3 рояля в год, как раньше, а 12—14. Он уже воссоздал более 200 роялей эпохи Моцарта, Бетховена, Шуберта, Шопена, Листа... Тот — листовский, из-за которого они сбежали на мой остров, — был самым сложным.

«Вы слушаете музыку?» — вдруг мне стало это любопытно. «Нет, не слушаю, она у меня итак все время играет внутри», — это ответ Вивианы. «Нет, иначе я сразу начинаю судить. Когда я слышу фортепианную музыку, сыгранную на современном рояле, мне очень неприятно. Мне сразу слышен дизайн инструмента и качество работы. Нет, лучше воображать музыку и слышать ее такой, какой хочешь», — это Пол.

Когда Вивиана привезет в Россию воссозданные Полем любимые рояли великих композиторов — Моцарта, Гайдна, Бетховена, Шуберта, Мендельсона, Шопена, Листа, Брамса — и устроит здесь фестиваль (а у меня нет никаких сомнений, что у нее это получится), мы с вами тоже почувствуем разницу. Надеюсь, на этот фестиваль она накопит быстрее, чем на свой рояль. «Эти рояли должны услышать в России. Об этом мечтал основатель Петербургской консерватории и русской фортепианной школы (лучшей в мире!) Антон Рубинштейн. Это произойдет неизбежно...» Вивиана задумывается и добавляет: «Если не будет войны».

Я рассталась с ними на Красном мосту, и они, легкие и красивые, упорхнули куда-то в сторону Адмиралтейства. Пол впервые был в России. Пол впервые увидел, откуда взялась Вивиана. Наверняка, гуляя, она провела его и мимо Александринки, в замороженном зале которой в блокаду, в декабре 41-го, в перчатках с прорезями для пальцев сыграл свой, может быть, лучший концерт отец Вивианы — великий русский пианист Владимир Софроницкий...

Тонкие ниточки иногда сплетаются между собой в более прочные, но продолжают обходиться без дорожных знаков. А мы, люди со столбовой дороги, давайте наслаждаться запахами. Любоваться букашками. Петать под душем. Слушать музыку...

Автор: Екатерина Гликман

Постоянный адрес страницы: <http://www.novayagazeta.ru/society/70338.html>